

СТАЛИН О ЛЕНИНЕ

О ЛЕНИНЕ

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА ВЕЧЕРЕ КРЕМЛЕВСКИХ КУРСАНТОВ 28 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

Товарищи! Мне сказали, что у вас тут устроен вечер воспоминаний о Ленине, а я приглашен на вечер в качестве одного из докладчиков. Я полагаю, что нет необходимости представить связанный доклад о деятельности Ленина. Я думаю, что было бы лучше ограничиться сообщением ряда фактов, отмечающих некоторые особенности Ленина, как человека и как деятеля. Между этими фактами, может быть, и не будет внутренней связи, но это не может иметь решающего значения для того, чтобы получить общее представление о Ленине. Во всяком случае, я не имею возможности в данном случае дать вам больше того, что обещал выше.

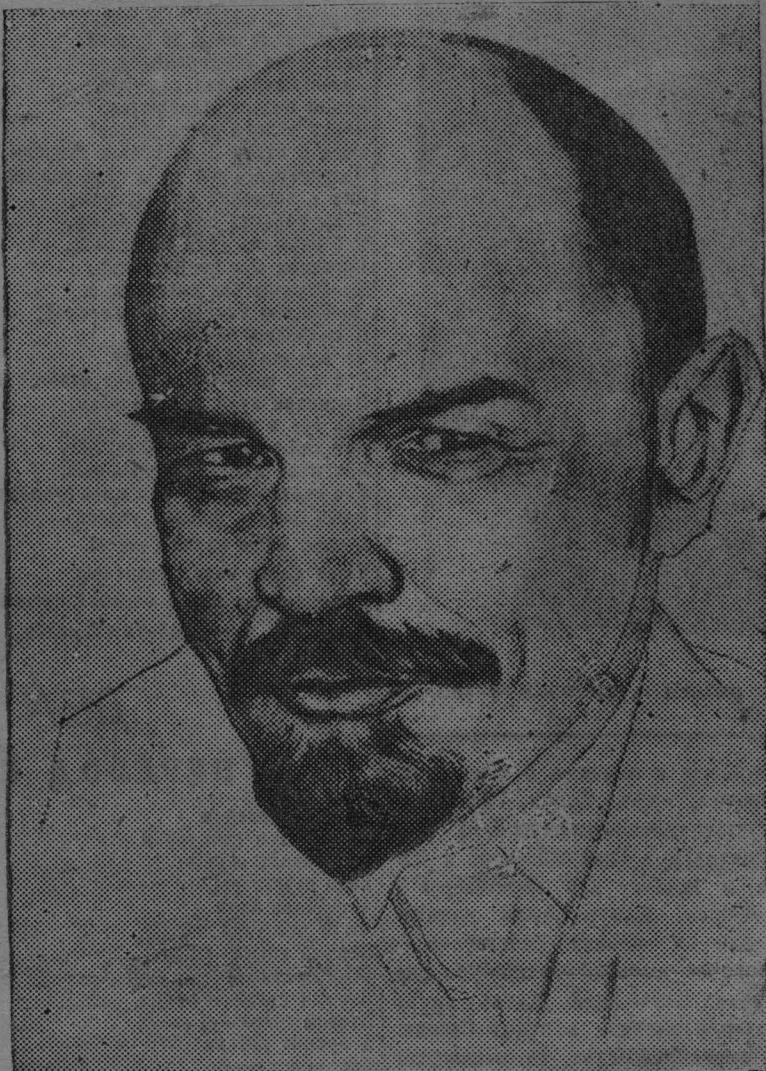
Горный орел

Впервые я познакомился с Лениным в 1903 г. Правда, это знакомство было не личное, а заочное, в порядке переписки. Но оно оставило во мне неизгладимое впечатление, которое не покидало меня за все время моей работы в партии. Я находился тогда в Сибири в ссылке. Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии. Когда я сравнивал его с остальными руководителями нашей партии, мне все время казалось, что соратники Ленина — Плеханов, Мартов, Аксельрод и другие — стоят ниже Ленина целой головой, что Ленин в сравнении с ними не просто один из руководителей, а руководитель высшего типа, горный орел, не знающий страха в борьбе и смело ведущий вперед партию по неизведанным путям русского революционного движения. Это впечатление так глубоко задало мне в душу, что я почувствовал необходимость написать о нем одному своему близкому другу, находившемуся тогда в эмиграции, требуя от него отзыва. Через несколько времени, будучи уже в ссылке в Сибири, — это было в конце 1903 года, — я получил восторженный ответ от моего друга и простое, но глубоко содержательное письмо Ленина, которого, как оказалось, познакомил мой друг с моим письмом. Письмо Ленина было сравнительно небольшое, но оно давало смелую, бесстрашную критику практики нашей партии и замечательно ясное и сжатое изложение всего плана работы партии на ближайший период. Только Ленин умел писать о самых запутанных вещах так просто и ясно, сжато и смело — когда каждая фраза не говорит, а стреляет. Это простое и смелое письмо еще больше укрепило меня в том, что мы имеем в лице Ленина горного орла нашей партии. Не могу себе простить, что это письмо Ленина, как и многие другие письма, по привычке старого подпольщика, я предал сожжению.

С этого времени началось мое знакомство с Лениным.

Скромность

Впервые я встретился с Лениным

НА СНИМКЕ: В. И. Ленин. Рисунок с натуры художника Н. Андреева. (Центральный музей В. И. Ленина).

в декабре 1905 г. на конференции большевиков в Таммерфорсе (в Финляндии). Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Каково же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...

Принято, что «великий человек» обычно должен запаздывать на собрания, с тем, чтобы члены собрания с замиранием сердца ждали его появления, причем перед появлением великого человека члены собрания предупреждают: «тсс... тише... он идет». Эта обрядность казалась мне не лишней, ибо она импонирует, внушает уважение. Каково же было мое разочарование, когда я узнал, что Ленин явился на собрание раньше делегатов и, забывшись где-то в углу, попросту ведет беседу, самую обыкновенную беседу с самыми обыкновенными делегатами конференции. Не скрою, что это показалось мне тогда некоторым нарушением некоторых необходимых правил.

Только впоследствии я понял, что эта простота и скромность Ленина, это стремление остаться незаметным или, во всяком случае, не бросаться в глаза и не подчеркивать свое высокое положение, — эта черта представляет одну из самых сильных сторон Ленина, как нового вождя новых масс, простых и обыкновенных масс, глубочайших «низов» человечества.

Сила логики

Замечательны были речи Ленина, произнесенные на этой конференции. О текущем моменте и об аграрном вопросе. Они, к сожалению, не сохранились. Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головкружительных жестов и эффектных фраз, быющих на впечатление, — все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет ее в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие то всеисильные щупальцы, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Я думаю, что эта особенность в речах Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства.

Без хныканья

Второй раз встретил я Ленина в 1906 году на Стокгольмском съезде нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побежденного. Он ни на поту

не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе. Я говорю о поражении Ленина. Но какое это было поражение? Надо было взглянуть на противников Ленина, победителей на Стокгольмском съезде — Плеханова, Аксельрода, Мартова и других: они очень мало походили на действительных победителей, ибо Ленин в своей беспощадной критике меньшевизма не оставил на них, как говорится, живого места. Я помню, как мы, делегаты большевики, сбившись в кучу, глядели на Ленина, спрашивая у него совета. В речах некоторых делегатов сквозила усталость, уныние. Помнится, как Ленин в ответ на такие речи едко процедил сквозь зубы: «Не хныкайте, товарищи, мы наверняка победим, ибо мы правы». Ненависть к хныкающим интеллигентам, вера в свои силы, вера в победу — вот о чем говорил тогда с нами Ленин. Чувствовалось, что поражение большевиков является временным, что большевики должны победить в ближайшем будущем.

«Не хныкать по случаю поражения» — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая помогала ему спланировать вокруг себя преданную до конца и верящую в свои силы армию.

Без кичливости

На следующем съезде в 1907 году в Лондоне большевики оказались победителями. Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову многим вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на поту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным. Помнится, как Ленин настойчиво внушал тогда делегатам: «первое дело — не увлекаться победой и не кичиться; второе дело — закрепить за собой победу; третье — добить противника, ибо он только побит, но далеко еще не добит». Он едко высмеивал тех делегатов, которые легкомысленно уверяли, что «отныне с меньшевиками покончено». Ему нетрудно было доказать, что меньшевики все еще имеют корни в рабочем движении, что с ними надо бороться умючи, всячески избегая переоценки своих сил и, особенно, недооценки сил противника.

«Не кичиться победой» — это та самая особенность в характере Ленина, которая помогала ему трезво взвешивать силы противника и страховать партию от возможных неожиданностей.

Принципиальность

Вожди партии не могут не дорожить мнением большинства своей партии. Большинство — это сила, с которой не может не считаться вождь. Ленин это понимал не хуже, чем всякий другой руководитель партии. Но Ленин никогда не становился пленником большинства, особенно, когда это большинство не имело под собой принципиальной основы. Бывали момен-

ты в истории нашей партии, когда мнение большинства или минутные интересы партии приходили в конфликт с коренными интересами пролетариата. В таких случаях Ленин, не задумываясь, решительно становился на сторону принципиальности против большинства партии. Более того, — он не боялся выступать в таких случаях буквально один против всех, рассчитывая на то — как он часто говорил об этом, — что: «принципиальная политика есть единственно правильная политика».

Особенно характерны в этом отношении два следующих факта.

Первый факт. Период 1909—1911 гг., когда партия, разбитая контрреволюцией, переживала полное разложение. Это был период безверия в партию, период повального бегства из партии не только интеллигентов, но отчасти и рабочих, период отрицания подполья, период ликвидаторства и развала. Не только меньшевики, но и большевики представляли тогда целый ряд фракций и течений, большей частью оторванных от рабочего движения. Известно, что в этот именно период возникла идея полной ликвидации подполья и организации рабочих в легальную, либеральную столыпинскую партию. Ленин был тогда единственным, который не поддавался общему поветрию и высоко держал знамя партийности, собирая разрозненные и разбитые силы партии с удивительным терпением и с небывалым упорством, воюя против всех и всяких антипартийных течений внутри рабочего движения, отстаивая партийность с небывалым мужеством и с невиданной настойчивостью.

Известно, что в этом споре за партийность Ленин оказался потом победителем.

Второй факт. Период 1914—1917 гг., период разгара империалистской войны, когда все, или почти все, социал-демократические и социалистические партии, поддавшись общему патристическому утару, отдали себя на услужение отечественному империализму. Это был период, когда II Интернационал сложил свои знамена перед капиталом, когда перед шовинистической войной не устояли даже такие люди, как Плеханов, Каутский, Гэд и другие. Ленин был тогда единственным, или почти единственным, который поднял решительную борьбу против социал-шовинизма и социал-пацифизма, разоблачал измену Гэд и Каутских и клеймил половинчатость межеумочных «революционеров». Ленин понимал, что он имеет за собой незначительное меньшинство, но это не имело для него решающего значения, ибо он знал, что единственно верной политикой, имеющей за собой будущность, является политика последовательного интернационализма, ибо он знал, что принципиальная политика есть единственно правильная политика.

Известно, что и в этом споре за новый Интернационал Ленин оказался победителем.

(Окончание на 2-й стр.)

РЕЧЬ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА ВЕЧЕРЕ КРЕМЛЕВСКИХ КУРСАНТОВ 28 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА

(ОКОНЧАНИЕ)

«Принципиальная политика есть единственно правильная политика» — это та самая формула, при помощи которой Ленин брал приступом новые «неприступные» позиции, завоеывая на сторону революционного марксизма лучшие элементы пролетариата.

Вера в массы

Теоретики и вожди партий, знающие историю народов, проштудировавшие историю революций от начала до конца, бывают иногда одержимы одной неприличной болезнью. Болезнь эта называется боязнью масс, неверием в творческие способности масс. На этой почве возникает иногда некий аристократизм вождей в отношении к массам, не искушенным в истории революций, но призванным ломать старое и строить новое. Боязнь, что стихия может разбушеваться, что массы могут «поломать много лишнего», желание разыграть роль мамки, старающейся учить массы по книжкам, но не желающей учиться у масс, — такова основа этого рода аристократизма.

Ленин представлял полную противоположность таким вождям. Я не знаю другого революционера, который так глубоко верил в творческие силы пролетариата и в революционную целесообразность его классового инстинкта, как Ленин. Я не знаю другого революционера, который умел бы так беспощадно бичевать самодовольных критиков «хаоса революции» и «вакханалии самочинных действий масс», как Ленин. Помните, как во время одной беседы, в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться нормальный порядок», Ленин саркастически заметил: «Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее нормальным порядком в истории является порядок революции».

Отсюда пренебрежительное отношение Ленина ко всем тем, которые старались свискока смотреть на массы и учить их по книжкам. Отсюда неустанная проповедь Ленина: учиться у масс, осмыслить их действия, тщательно изучать практический опыт борьбы масс.

Вера в творческие силы масс — это та самая особенность в деятельности Ленина, которая давала ему возможность осмыслить стихию и направлять ее движение в русло пролетарской революции.

Гений революции

Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства. Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин одинаково одобрял всякое революционное потрясение или что он всегда и при всяких условиях стоял за революционные взрывы. Нисколько. Этим я хочу лишь сказать, что никогда гениальная прозорливость Ленина не проявлялась так полно и отчетливо, как во время революционных взрывов. В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони. Недаром говорится в наших партийных кругах, что «Ленин умеет плавать в волнах революции, как рыба в воде».

НА СНИМКЕ: В. И. ЛЕНИН. Портрет работы художника Михайлова. (Центральный музей В. И. Ленина).

«Отсюда «поразительная» ясность тактических лозунгов и «головоружительная» смелость революционных замыслов Ленина.

Вспоминаются два особенно характерных факта, отмечающих эту особенность Ленина.

Первый факт. Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы; когда генералитет и буржуазия подготавливали военную диктатуру в интересах «войны до конца»; когда все так называемое «общественное мнение», все так называемые «социалистические партии» стояли против большевиков, третируя их «немцами шпионами»; когда Керенский пытался загнать в подполье — и отчасти уже успел загнать — партию большевиков; когда все еще могучие дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагавшихся армий, а западно-европейские «социалисты» благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах «войны до полной победы».

Что значило поднять восстание в такой обстановке? Поднять восстание в такой обстановке — это значит поставить все на карту. Но Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание победит, что восстание в России подготовит конец империалистской войны, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запады, что восстание в России превратит войну империалистскую в войну гражданскую, что восстание даст Республике Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всем мире.

Известно, что это революционное предвидение Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

Второй факт. Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть

переговоры с немцами о перемирии. Помните, как Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и Ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Бомандный состав армии находился целиком в руках Ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-миллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помните, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарило каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. «Пойдем на радиостанцию», — сказал Ленин, — она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначив на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки».

Это был «скачок в неизвестность». Но Ленин не боялся этого «скачка», наоборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира, и она завоевет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

Известно, что это революционное предвидение Ленина также сбылось впоследствии со всей точностью.

Гениальная прозорливость, способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий — это то самое свойство Ленина, которое помогало ему намечать правильную стратегию и ясную линию поведения на поворотах революционного движения.

«Правда» № 34 от 12 февраля 1924 г.

По твоим заветам все исполнилось

Русский сказ

Не ветра шумят холодные,
Не пески бегут зыбучие,
Снова горе подымается,
Словно злая туча черная.
Как гроза со градом-молиней,
Пала на сердце кручинушка!
Эту темную кручинушку
Не развеять ветру быстрому,
Не умчать песку зыбучему,
Не покрыть грозою тучею.
Посижу я, слезы выплачу.
От моих ли слез да горечи
Сине море переполнится,
Разольются реки глыбные,
Камни белые расколются,
Чисто золото рассыплется!
Если б стала я да ясным соколом,
Превратилась бы да в сиза голубя,
Али в ласточку во быструю,
Я бы горьких слов не бояла.
Я б горючих слез не ведала,
Полетела б я прямехонько,
До Москвы бы долетела я,
До Кремля стены, до каменной,
К мавзолею опустилася,
Ко Владимиру ко Ленину.
Я б ему сказала: «Солнце ясное,
Посмотри кругом, порадуйся,
Как все в жизни изменилось.
Вон сады цветут — колхозные,
Вон поля цветут — колхозные,
Как светло-светло нам жить становится!
Наши дети в школах учатся,
В небе наши парни-соколы,
Наши девки водят тракторы.
И живем мы домом — полной чашей,
И в руках у нас работа спорится,

И в сердцах у нас любовь горит
За твою борьбу, за подвиги,
Ты для нас работал, рук не кладучи,
Ума-разума большого не жалеючи,
Ты сгорел за нас костром пылым.
Все, что думалось тобою, все исполнилось!
По твоим заветам-заветашнику
Нас ведет ко счастью Сталин наш.
От орлов орлята нарождаются,
У соколов — полеты соколиные,
Океан да с океаном — братья кровные.
Сталин Ленину да кровный брат
По работе, по размаху по орлиному,
По полету, по простору соколиному.
Мы идем со Сталиным, как с Лениным
Говорим со Сталиным, как с Лениным,
Знает все он наши думки-думушки,
Всю он жизнь свою о нас заботится.
Под его водительством-заботой
Нет у нас сейчас людей без имени,
Нет без роду, без отчества,
Нет сирот, солдатом, горьких вдовушек
Ни батрацкого житья-бытья,
Ни полей, лебеды-травы.
И одна сейчас у нас дороженька,
К счастью, светлая, лучистая, широкая,
И ведет по этой по дороженьке
Нас родная наша партия.
К счастью светлему дороженьку
Не развеять ветру черному,
Не снести песку зыбучему,
Не залить рекой глубокою,
Не покрыть грозою-тучею».

Записано в 1937 году со слов
Т. А. Долгушевой в колхозе «Красная звездочка», Шурминского района, Кировской области.

ДВА СОКОЛА

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО

На дубу зеленом
Два сокола ясных
Вели разговоры.
А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин,
А кругом летели
Соколы стаей.
Ой, как первый сокол
Со вторым прощался,
Он с предсмертным словом
К другу обращался:

«Сокол ты мой сизый,
Час пришел расстаться,
Все труды-заботы
На тебя ложатся».
А другой ответил:
«Позабудь тревоги,
Мы тебе клянемся:
«Не свернем с дороги»!
И сдержал он клятву,
Клятву боевую:
Сделал он счастливой
Всю страну родную».

Записано со слов рабочих конструкторского отдела завода «Ленинская кузница» в Киеве.

НА СНИМКЕ: И. В. Сталин, В. И. Ленин и М. И. Калинин. Март 1919 г. (Центральный музей В. И. Ленина).

ОН ЖИВЕТ

ПЕРЕВОД С ДАРГИНСКОГО

Кто сказал, что умер Ленин?
Он живет!
В каждом новом поколении
Живет,
В нашей юности цветении
Живет,
В пролетарском единении
Живет,
В Конституции победной
Живет,
В революции всесветной
Живет,
В нашей правде беззаветной
Живет,
В клятве Сталина бессмертной
Живет,
В наших буднях и парадах
Живет,
На испанских баррикадах
Живет,
В Красной Армии отрядах
Живет,

В мудрых сталинских докладах
Живет,
В каждом новом дне на свете
Живет,
В честных путников беседе
Живет,
В голосах фанфарной меди
Живет,
В каждой сталинской победе
Живет,
В лучших помыслах народных
Живет,
В МТС и на заводах
Живет,
В нашем сердце песней гордой
Живет,
Ленин с нами, — знаем твердо —
Он живет!

Записано в 1936 году в ауле Урахи, Левашинского района, Дагестанской АССР.

Речь товарища В.М. МОЛОТОВА об образовании правительства СССР

(Когда председательствующий предоставляет слово товарищу Молотову все присутствующие в зале встают, бурно аплодируют. Аплодисменты переходят в овацию, овация длится несколько минут. Несутся возгласы с мест: „Ближайшему соратнику товарища Сталина — товарищу Молотову — ура!“ Бурные аплодисменты, возгласы „ура!“).

Товарищи депутаты! Верховный Совет поручил мне представить на утверждение состав Совета Народных Комиссаров. В этом своем решении Верховный Совет предложил учесть критические замечания, высказанные депутатами в ходе прений по вопросу об образовании правительства. Разумеется, из этого и будут исходить мои предложения.

Прежде чем перейти к составу Совета Народных Комиссаров, мне придется остановиться на тех критических замечаниях, которые здесь были высказаны депутатами Ждановым, Багровым и Косиором. Эти товарищи в своих речах остановились на работе ряда наркоматов, и я должен сказать, что с их критическими замечаниями Совет Народных Комиссаров целиком согласен.

Начну с вопроса о некоторых сторонах работы Народного комиссариата иностранных дел. На что здесь было указано? Тов. Жданов отметил, что Верховный Совет и он, как представитель трудящихся Ленинграда, недовольны поддержкой проводимую советским правительством внешнюю политику, которая нам обеспечивает мир, которая успешно защищается и практически проводится Народным комиссариатом иностранных дел. Но он указал и на некоторые моменты, которые нельзя не считать тяжелыми сторонами в этой области.

Вот, например, вопрос об иностранных консулах в Советском Союзе.

Надо признать, что этим вопросом в должной мере мы не занимались до последнего времени. Между тем, этот вопрос заслуживает внимания и, конечно, в первую очередь внимания Наркоминдела. Действительно, в Советском Союзе оказались в изгнании иностранные консульства ряда государств, которые ничем не заслужили особого положения и преимуществ по отношению к другим государствам. Некоторые из иностранных государств, и в том числе из таких, которые никак нельзя признать дружественными Советскому Союзу, имели этих консульств гораздо больше, чем Советский Союз имел в этих государствах. Спрашивается, на каком это основании?

Правильно и то, что некоторые иностранные консулы занимались в нашей стране непроизводительными делами, занимались враждебными, антисоветскими делами шпионского и вредительского характера. Дальше терпеть такое положение, безусловно, нельзя.

Для внесения полной ясности в этот вопрос я должен сообщить, что некоторые меры в этом отношении уже приняты. Закрыта пара японских консульств в Новосибирске и Одессе. Закрыта также пара польских консульств в Харькове и Тбилиси. Закрыты пять германских консульств в Ленинграде, Харькове, Одессе, Тбилиси и Владивостоке. К 15 января это уже было осуществлено. Подлежит закрытию и ряд других консульств. Подлежит закрытию и ряд консульств Италии, Ирана, Тур-

ции, Афганистана, Латвии и других стран.

Замечания тов. Жданова относительно иностранных консульств, дружно поддержанные всем Верховным Советом, Совет Народных Комиссаров полностью учтет и проведет все надлежащие меры в этом отношении в ближайшее же время (Аплодисменты).

Здесь сделаны были также замечания относительно наших взаимоотношений с двумя государствами — с Японией и с Францией.

Прежде всего, насчет наших взаимоотношений с Японией и насчет поведения некоторых бесцеремонных агентов японского правительства и небезызвестного, но действительно марionеточного Манчжоу-Го.

Вы знаете, товарищи, что советскому правительству приходилось не раз протестовать против некоторых недопустимых действий со стороны японских и манчжурских властей. Никто в Советском Союзе без возмущения не может смотреть на те бесцеремонные приемы со стороны японо-манчжурских властей, которые они применяют, например, теперь в отношении одного почтового самолета гражданской авиации на Дальнем Востоке, заблудившегося в пути и случайно севшего на территории Манчжоу-Го. Ровно месяц тому назад, 19 декабря, имел место этот факт, факт захвата нашего почтового самолета, захвата двух советских людей — летчика и его помощника — и захвата многочисленной почтовой корреспонденции, имевшейся на этом самолете. Но и до настоящего времени мы не имеем никаких сообщений по этому поводу от японского правительства, несмотря на неоднократные запросы и в Токио и в Манчжоу-Го.

Советское правительство вынуждено было 16 января послать обращение к японскому правительству по поводу протеста против недопустимых и незаконных действий японо-манчжурских властей. В этой ноте мы категорически настаиваем на немедленном освобождении задержанных советских граждан и на возвращении самолета и почты, предупреждая японское правительство о том, чтобы оно не вынудило нас встать на путь ответных репрессий. Мы рассчитываем, что сумеем полностью обеспечить интересы Советского Союза против таких и всяких других бесцеремонных действий иностранных государств. Мы можем заверить вас, товарищи, в том, что все те меры, которые потребуются с нашей стороны, мы действительно проведем. (Продолжительные аплодисменты).

Несколько слов о наших взаимоотношениях с Францией. Опять таки, нельзя не признать основательности замечаний тов. Жданова. Действительно, до настоящего момента, несмотря на наличие дружественных отношений между Советским Союзом и Французской республикой, на территории Франции находят себе всяческий приют такие авантюристы и такие преступные организации, которые являются ничем иным, как зловещими гнездами террористов и диверсантов, открыто занимающихся этими своими враждебными антисоветскими делами на глазах и под покровительством французских властей. Конечно, это нельзя оправдать правом убежища для иностранцев. Спрашивается, кому нужно это поощрение всякого рода преступников, русского и нерусского буржуазного происхождения, занимающихся ак-

тисовскими террористическими делами на французской территории и открыто подготавливающих свои преступные дела против советских деятелей, против советских органов? Почему этих господ так поощряют во Франции, и как это соответствует дружественному советско-французскому пакту? Этим вопросом, безусловно, придется заняться нашему Народному комиссариату иностранных дел.

Верховный Совет не стал возможным пройти мимо этих возмущительных и направленных против Советского Союза фактов. Нельзя не согласиться с тем, что он имел в этом полное основание. Совнарком учтет сделанные на сессии Верховного Совета замечания по этому вопросу и даст соответствующие указания Наркоминделу.

Здесь были затронуты также и вопросы, относящиеся к работе других народных комиссариатов.

Тов. Жданов отметил недостатки в работе Народного комиссариата водного транспорта. Действительно, времени прошло немало для того, чтобы Наркомвод принял меры и сдвинулся с мели, на которую он сел еще в позапрошлом межведомственном году. Как Совнарком ни помогал Народному комиссариату водного транспорта с этой мели, пока нам не удалось этого добиться. Руководство Наркомвода чересчур медленно раскачивается и пока не обеспечивает должного улучшения в работе. Напомню товарищам из Наркомвода, что скоро начинается новая навигация, она начнется всего через каких-нибудь 2—3 месяца. Это будет последнее испытание для теперешних руководителей Наркомвода. Еще не поздно, чтобы тов. Пахомов, нарком водного транспорта, направил пожелание, занялся на настоящем ремонте судов, развернул решительную борьбу с авариями, по настоящему взялся за ликвидацию убыточности водного транспорта, а главное — за подбор и воспитание кадров водного транспорта. Руководство Наркомвода получило здесь серьезное предупреждение, и если оно быстро не исправит свою работу, оно должно будет пенять на себя. Товарищи водники, среди которых немало хороших работников и настоящих энтузиастов, должны показать свое умение исправлять недостатки передовым транспортникам и настоящим строителям социализма.

Более резко здесь были подчеркнуты недостатки трех общесоюзных органов, а именно: Наркомюста, Комитета заготовок и Комитета искусств.

Нельзя не признать речь тов. Багрова вполне объективной. Он указал в отношении тов. Ерыленко, наркома юстиции, не только на недостатки, но и на положительные стороны, когда он говорил насчет алибиализма, туризма и шахматного дела (Смех в зале). Но в том-то и дело, что у наркома юстиции были отмечены положительные стороны, но совсем не в области работы Наркомюста... А нам нужно, чтобы Наркомюст работал, как образцовый советский наркомат, на который возложены нашей Конституцией новые громадные задачи, чего, к сожалению, не понял тов. Ерыленко. Очевидно, это придется учесть при утверждении состава Совета Народных Комиссаров.

Дальше — о работе Наркомзата, созданного из Комитета заготовок. Правильно указал тов. Косиор, что, выдвигая руководителем Комитета заготовок тов. Кельдеша, имеющего кома-

ный местный опыт, мы рассчитывали на то, что дела Комитета заготовок значительно улучшатся. Между тем, новый руководитель не понял даже своей обязанности расчистить органы Комитета заготовок от забравшихся туда вредителей и всякой дряни. Он не проявил никакого вкуса в этом отношении, не показал себя большевиком в работе. Следовательно, придется при утверждении состава Совета Народных Комиссаров считаться и с этим фактом.

Наконец, о Комитете искусств. О нем здесь говорили двое из выступавших депутатов. Оба депутата критически отзывались о руководстве Комитета искусств, но я бы сказал, что их критические замечания были минимальными. Дело с руководством Комитета искусств у нас весьма не благополучно. Сколько мы ни пытались помочь теперешнему руководителю — тов. Керженцеву выправить дело, сам он настоящей инициативы и понимания своих обязанностей не проявил. Значит, надо учесть и это обстоятельство при утверждении нового состава Совета Народных Комиссаров.

Вот, товарищи, те замечания, которые я должен был сделать, прежде чем перейти к оглашению состава Совета Народных Комиссаров.

Теперь разрешите перейти к составу правительства.

Я не останавливался на вопросе о председателе Совета Народных Комиссаров, переходжу к заместителям председателя Совнаркома.

В настоящее время у нас два заместителя председателя Совета Народных Комиссаров, которые вместе с тем являются народными комиссарами. В интересах дальнейшей работы Совета Народных Комиссаров, а работы у Совнаркома становится все больше! — я прошу о том, чтобы заместители председателя Совнаркома были освобождены от наркоматских постов и целиком были бы заняты работой в Совете Народных Комиссаров.

В соответствии с этим вношу следующие предложения:

Утвердить заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Власа Яковлевича Чубаря (бурные аплодисменты), с освобождением его от обязанностей народного комиссара финансов.

Вношу, дальше, предложение — утвердить заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Анастаса Ивановича Микояна (бурные аплодисменты), с освобождением его от обязанностей народного комиссара пищевой промышленности.

Вношу также предложение — утвердить еще одного заместителя председателя Совета Народных Комиссаров, назначив его и председателем Комиссии советского контроля — Станислава Викентьевича Косиора (Бурные аплодисменты).

Прошу утвердить председателем Государственной плановой комиссии Николая Алексеевича Вознесенского (Аплодисменты).

Народным комиссаром по иностранным делам — Максима Максимовича Литвинова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром внутренних дел — Николая Ивановича Ежова. (Продолжительные аплодисменты).

Народным комиссаром обороны — Климента Ефремовича Ворошилова. (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встает, но залу прекращают-

ся могучее: „Ура товарищу Ворошилову! „Да здравствует товарищ Ворошилов!“).

Народным комиссаром Военно-Морского Флота — Петра Александровича Смирнова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром тяжелой промышленности — Лазаря Моисеевича Кагановича. (Бурные, продолжительные аплодисменты, возгласы: „Да здравствует товарищ Каганович!“ „Ура товарищу Кагановичу!“ Все встает).

Народным комиссаром машиностроения — Александра Давидовича Брускина. (Аплодисменты).

Народным комиссаром оборонной промышленности — Михаила Моисеевича Кагановича. (Аплодисменты).

Народным комиссаром пищевой промышленности — Абрама Лазаревича Гилянского. (Аплодисменты).

Народным комиссаром легкой промышленности — Василия Ивановича Шостакова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром лесной промышленности — Михаила Ивановича Рыжова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром путей сообщения — Алексея Венедиктовича Бакулина. (Аплодисменты).

Народным комиссаром водного транспорта — Николая Ивановича Пахомова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром связи — Матвея Давидовича Бермана. (Аплодисменты).

Народным комиссаром земледелия — Роберта Индриковича Эйхе. (Аплодисменты).

Народным комиссаром совхозов — Тихона Александровича Юркина. (Аплодисменты).

Народным комиссаром заготовок — Михаила Васильевича Попова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром финансов — Арсения Григорьевича Зверева. (Аплодисменты).

Народным комиссаром торговли — Михаила Павловича Смирнова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром внешней торговли — Евгения Денисовича Чвялева. (Аплодисменты).

Народным комиссаром юстиции — Николая Михайловича Рыжова. (Аплодисменты).

Народным комиссаром здравоохранения — Михаила Федоровича Болдырева. (Аплодисменты).

Председателем государственного банка — Алексея Петровича Гричманова. (Аплодисменты).

Председателем комитета по делам высшей школы — Сергея Васильевича Кафтanova. (Аплодисменты).

Председателем комитета по делам искусств — Алексея Ивановича Назарова. (Аплодисменты).

Товарищи, мне нет необходимости давать отдельные пояснения о руководителях наркоматов, имена которых я здесь огласил. Вы и без того их хорошо знаете.

Совету Народных Комиссаров, который будет вами утвержден, предстоит большая работа, предстоит решение еще более сложных задач, чем было до сих пор. Растет наше дело, растут и наши задачи.

Мне пришлось уже говорить о критических замечаниях, которые были сделаны депутатами в отношении отдельных наркоматов. Нельзя не признать, что за работу наркоматов отвечает Совнарком, а поэтому

(Окончание на 4-й стр.)

РЕЧЬ товарища В. М. МОЛОТОВА об образовании правительства СССР

(ОКОНЧАНИЕ)

должно быть ясно, что критические замечания о работе наркоматов относятся в известной мере и к самому Совнаркому. Сделанные замечания должны быть учтены всеми наркоматами и правительством в целом. Критику недостатков наркоматов Совнаркому рассматривает и будет рассматривать, как помощь и поддержку в его работе. Из этой критики мы должны сделать вывод — значит, Совнаркому должен еще больше и значительно лучше помогать более слабым наркоматам, усилить своей контроль в отношении их работы, во время заменять не отвечающих делу руководителей.

Руководители, стоящие на высоких государственных постах, не должны предаваться самолюбию или самодовольству, должны серьезно прислушиваться к критике, должны совершенствоваться в работе. Самолюбие, выражающееся в таком представлении: «я высоко стою и потому я все вижу и все знаю», — мы должны осудить, как политическую близорукость, как чванство, как бюрократизм.

Лучше будет, товарищи, если мы будем помнить замечательные слова товарища Сталина, сказанные им недавно на приеме металлургов и горняков:

«Быть руководителем в советских условиях — значит удостоиться высокой чести и доверия в глазах народа... Руководители приходят и уходят, а народ остается. Только народ бессмертен. Все остальное — проходящее. Поэтому надо уметь дорожить доверием народа». (Аплодисменты).

«Уметь дорожить доверием народа» — такова основная обязанность Совета Народных Комиссаров, такова основная обязанность каждого из государственных руководителей.

Выборы в Верховный Совет и окрепший за это время блок коммунистов и беспартийных открывают новую страницу в истории нашей страны, в истории социализма. Верховному Совету, избранному победоносным блоком коммунистов и беспартийных, мы должны заявить: мы, руководители-коммунисты, которые знают, что успех нашей работы будет тем значительнее, чем больше и чем ярче будет осуществляться наша повседневная и живая связь с многомиллионными беспартийными массами трудящихся. (Аплодисменты).

У нас в Советском Союзе сложилось невиданное раньше и не существующее в других странах, где капитализм раздирает общество на классы, — у нас сложилось на основе победы власти трудящихся моральное и политическое единство народа, потому что в нашей стране сблизилась и соединилась в одно целое две великие силы: народ и коммунизм. (Бурные аплодисменты).

Все это накладывает на нас, на руководителей, большие обязанности. Чтобы понять эти обязанности, мы должны помнить о том, что говорил товарищ Сталин на собрании избирателей Сталинского округа в Москве накануне выборов депутатов Верховного Совета. Он говорил:

«Избиратели, народ должны требовать от своих депутатов, чтобы они оставались на высоте своих задач, чтобы они в своей работе не спускались до уровня политических обывателей, чтобы они оставались на посту политических

деятелей ленинского типа, чтобы они были такими же ясными и определенными деятелями, как Ленин (аплодисменты), чтобы они были такими же бесстрашными в бою и беспощадными к врагам народа, как был Ленин (аплодисменты), чтобы они были свободны от всякой паники, от всякого подобия паники, когда дело начинается и на горизонте вырисовывается какая-нибудь опасность, чтобы они были также свободны от всякого подобия паники, как был свободен Ленин (аплодисменты), чтобы они были также мудры и неторопливы при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учет всех плюсов и минусов, как был Ленин (аплодисменты), чтобы они были также правдивы и честны, как был Ленин (аплодисменты), чтобы они также любили свой народ, как любил его Ленин (аплодисменты)».

Товарищ Сталин говорил дальше о том, что депутаты «должны иметь перед собой великий образ великого Ленина и подражать Ленину во всем». (Шумные аплодисменты).

Товарищ Сталин предъявил эти высокие требования к депутатам Верховного Совета. Тем более все это относится к народным комиссарам и к Совету Народных Комиссаров в целом. Мы должны помнить о том, что Совет Народных Комиссаров с самого начала его образования возглавлял Ленин, и должны стремиться к тому, чтобы быть достойными учениками великого Ленина, заложившего основы всего нашего дела. (Шумные, продолжительные аплодисменты).

Мы хотим быть верными помощниками нашего учителя и вождя народов Советского Союза — великого Сталина. Во всех важных вопросах мы, Совет Народных Комиссаров, обратимся за советом и за указаниями к Центральному Комитету большевистской партии и, прежде всего, к товарищу Сталину. (Шумная овация, все встают, возгласы из зала: «Да здравствует вождь великого советского народа великий Сталин!», «Вождю и учителю товарищу Сталину — ура!»).

Вы знаете, товарищи, что это и по существу, и по форме соответствует нашей великой Конституции. (Аплодисменты).

Мы хотим быть достойными нашего социалистического народного парламента — Верховного Совета, хотим быть достойными народа, строящего своими трудовыми усилиями, самоотверженностью и творческим энтузиазмом, вопреки всем и всяким препятствиям, коммунистическое общество. (Шумные аплодисменты).

В заключение скажу словами товарища Сталина: «Что касается нас, членов ЦК, членов правительства, то нет у нас другой жизни, чем жизнь для нашего великого дела, чем жизнь для борьбы за всеобщее благосостояние народа, за радость для всех трудящихся, для миллионов масс. (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Приветственные возгласы по адресу товарищей Сталина и Молотова на языках братских республик и возгласы „ура“ прокатываются по залу).

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР 19 ЯНВАРЯ 1938 ГОДА

19 января, в 2 часа дня, в зале заседаний Совета Союза, в Кремле, состоялось третье заключительное совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Председательствует председатель Совета Союза А. А. Андреев.

В ложах — товарищи Сталин, Молотов, Калинин, Ворошилов, Каганович, Микоян, Чубарь, Косиор, Жданов, Ежов, Хрущев, Литвинов, Петровский, члены президиума Верховного Совета СССР.

Сессия решает рассмотреть первый вопрос о назначении прокурора Союза ССР.

Депутат Г. П. Петровский от имени Советов старейшин, Совета Союза и Совета Национальностей вносит предложение назначить прокурором Союза ССР А. Я. Вышинского.

Верховный Совет назначает депутата А. Я. Вышинского прокурором СССР.

Следующий вопрос — образование союзного правительства — Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик.

Слово предоставляется товарищу В. М. Молотову.

Встреченный бурной, продолжительной овацией, возгласами «ура», товарищ Молотов в своей речи отвечает на замечания и вопросы депутатов, сделанные на предыдущем заседании в прениях по вопросу об образовании правительства СССР. Затем товарищ Молотов называет кандидатуры в состав правительства.

Бурными рукоплесканиями встречают депутаты комиссаров СССР товарищей Чубаря, Микояна и Косиора, народного комиссара иностранных дел товарища Литвинова, народного комиссара внутренних дел товарища Ежова, народного комиссара обороны тов. Ворошилова, народного комиссара тяжелой промышленности тов. Л. М. Кагановича.

Председательствующий тов. Андреев сообщает, что имеется предложение утвердить председателем Совета Народных Комиссаров СССР товарища Вячеслава Михайловича Молотова. Бурная овация вспыхивает в зале. Депутаты горячо приветствуют товарища Молотова — ближайшего соратника великого Сталина, одного из руководителей большевистской партии, негибаемого большевика, стойкого борца за социализм, за счастье трудящихся. Товарищ Молотов единогласно утверждается председателем Совнаркома СССР.

С огромным подъемом проходит также утверждение заместителей председателя Совнаркома СССР и народных комиссаров.

Персональным голосованием Верховный Совет образует следующий состав правительства СССР — Совета Народных Комиссаров СССР:

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР —

Вячеслав Михайлович Молотов.

Заместители председателя Совета Народных Комиссаров СССР —

Влас Яковлевич Чубарь, Анастас Иванович Микоян.

Заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР и председатель комиссии советского контроля —

Станислав Викентьевич Косиор.

Председатель Госплана СССР — Николай Алексеевич Вознесенский.

Народный комиссар иностранных

дел Максим Максимович Литвинов.

Народный комиссар внутренних дел Николай Иванович Ежов.

Народный комиссар обороны Климент Ефремович Ворошилов.

Народный комиссар Военно-Морского Флота Петр Александрович Смирнов.

Народный комиссар тяжелой промышленности Лазарь Моисеевич Каганович.

Народный комиссар машиностроения Александр Давидович Брускин.

Народный комиссар оборонной промышленности Михаил Моисеевич Каганович.

Народный комиссар пищевой промышленности Абрам Лазаревич Гилинский.

Народный комиссар легкой промышленности Василий Иванович Шестаков.

Народный комиссар местной промышленности Михаил Иванович Рыжов.

Народный комиссар путей сообщения Алексей Венедиктович Бакулин.

Народный комиссар водного транспорта Николай Иванович Пахомов.

Народный комиссар связи Матвей Давидович Берман.

Народный комиссар земледелия Роберт Индрикович Эйхе.

Народный комиссар зерновых и животноводческих совхозов Тихон Александрович Юркин.

Народный комиссар заготовок Михаил Васильевич Попов.

Народный комиссар финансов Арсений Григорьевич Зверев.

Народный комиссар торговли Михаил Павлович Смирнов.

Народный комиссар внешней торговли Евгений Денисович Чвялев.

Народный комиссар юстиции Николай Михайлович Рычков.

Народный комиссар здравоохранения Михаил Федорович Болдырев.

Председатель правления государственного банка Алексей Петрович Гричманов.

Председатель комитета по делам высшей школы Сергей Васильевич Кафтамов.

Председатель комитета по делам искусств Алексей Иванович Назаров.

Персонально голосование закончено. Товарищ Андреев объявляет:

— Весь состав Совета Народных Комиссаров СССР утвержден единогласно!

Вновь все депутаты поднимаются со своих мест, и шквал восторженных оваций пронесется по залу. Верховный Совет СССР приветствует союзное правительство и великого творца Конституции Союза ССР, гениального стратега великой социалистической революции Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сессию приветствовали встреченные шумными аплодисментами делегации рабочих, работниц, колхозников, колхозниц, интеллигенции и служащих ряда республик, городов и областей страны, а также от Красной Армии и Военно-Морского Флота.

На трибуне — член делегации трудящихся Москвы и Московской области, учительница московской школы имени Радищева Нина Юрьевна Астахова.

— Мы, трудящиеся Москвы, — гордимся и счастливы

тем, что нашему городу выпало счастье послать своим депутатам в Верховный Совет нашего вождя и отца, нашего учителя и друга, нашего родного товарища Сталина.

В ответ из зала несутся восторженные приветствия в честь товарища Сталина. Все встают, гремит бурная, долго не смолкающая овация.

С боевым красным знаменем, полученным рабочими города Ленина в награду за героическую оборону, под руководством товарища Сталина, Петрограда от белых полчищ Юденича, к трибуне подходит делегация трудящихся Ленинграда.

На трибуне тов. Скоробогатко — председатель завкома завода «Электрор» имени Кирова. Бурной овацией встречает сессия заявление оратора о том, что трудящиеся города Ленина с особой заботой и любовью постараются оснастить могучей боевой техникой Красную Армию и Военно-Морской Флот.

От имени делегации шахтеров-металлургов Донбасса, Урала и других районов страны выступает тов. Руденко.

— Мы, шахтеры и металлурги, — заявляет тов. Руденко, — сейчас заняты мирным трудом. Но если потребует правительство, если потребует партия, мы сумеем отбросить молотки и врубовые машины сменить на винтовки...

При этих словах все присутствующие в зале в едином порыве поднимаются. Раздаются приветственные возгласы и шумные аплодисменты.

Выступавшие с приветствиями и другие участники делегации подходили к товарищу Сталину и обменивались с ними крепкими рукопожатиями.

На трибуну выходит представитель делегации Красной Армии и Военно-Морского Флота капитан Герасимов. Его пламенный красноармейский привет встречает горячие аплодисменты и возгласы «ура!»

Тов. Герасимов заявляет, что границы советской страны защищены надежно. По первому зову партии и правительства и великого вождя народов товарища Сталина Красная Армия станет на защиту социалистической родины. Красная Армия будет уничтожать врага на его собственной территории.

Последние слова оратора тонут в буре оваций. Все встают, раздаются возгласы приветствий в честь Красной Армии, в честь любимого наркома обороны товарища Ворошилова, в честь великого и мудрого вождя товарища Сталина.

Младший командир-подводник тов. Селезнев от имени краснофлотцев передает горячий привет первому депутату Верховного Совета товарищу Сталину. Он заявляет о том, что краснофлотцы горячо приветствуют и одобряют решение сессии Верховного Совета о создании Народного Комиссариата Военно-Морского Флота, принятое по инициативе товарища Сталина.

Депутаты стоя провожают славных представителей родной Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Порядок дня сессии исчерпан. Председательствующий председатель Совета Союза А. А. Андреев сообщает, что по всем вопросам порядка дня Верховным Советом приняты единогласные решения и объявляет первую сессию Верховного Совета СССР закрытой. (ТАСС).

Ответ. редактор В. КУЛИКОВ.